

**Артур
ЖУРАВЛЁВ**
г. Санкт-Петербург

Рождество Анюты

рассказ

...Как хорошо тут заснуть:

«Посижу здесь и пойду опять посмотреть
на куколок, — подумал мальчик и усмехнулся,
вспомнив про них, — совсем как живые!..»

Ф.М. Достоевский. «Мальчик у Христа на ёлке».

*Передёрнув плечами, врач отвёл взгляд за
поблёскивающими очками. Кирьянов смот-
рел то ли на него, то ли мимо — на закрытую
белую дверь. Он не верил врачу. Ведь это же
просто слова, и листы — слова. Кирьянов си-
лился понять, представить и всё сжимал в
потных руках куклу с жёлтым бантом...
Мысли вяло плавали, как мухи в киселе.*

Давление. Туман. Молчание.

* * *

Торговый центр был набит людьми. Гул, пестрота, звучала непротивная музыка... А Кирьянов устремился к эскалатору. Он только что прошёл по городу, проехал на метро, но смотрел всё время только перед собой. Асфальт, лужи, белая «зебра», зеркальные рельсы, сколотый поребрик, жиденькая трава, бетон, мутная плитка — грязная плитка — сухая... Влажность, затхлость, сквозняки, духота... Вокруг шевелилось нечто большое, бесформенное, бубнило, толкалось, страшно ревели, но потом, простучав своё, затихало.

А Кирьянов видел только Анюту. Бледная, она как будто смотрела прямо на него из-под белой, резко пахнущей порошком и лекарствами простыни. Стояла тишина. Та, что, кажется, была готова разорваться последним воплем, который шевелился ядовитым ежом глубоко в груди, у самого сердца, и подползал к горлу... Анюта молчала, Кирьянову казалось, уже очень давно. Без сознания она, наверное, ничего не видела вокруг, но, возможно, слышала и даже думала, пытаясь что-то ответить...

Вылетев в полном исступлении из больницы, Кирьянов был оглушен свежестью воздуха. Вдохнул как можно глубже влажной свежести улицы, стал пытаться осмыслить случившееся. Дождь только что прошел. Кирьянова окутала сердито покалывающая прохлада. Старые подрубленные де-

ревья в больничном скверике показались ему непривычно яркими — как-то по-особенному зелеными. Они мокро блестели тяжелыми кудрями и, кажется, думали о чем-то грустном. Над головой Кирьянова прояснилось — небесная серость была готова раствориться. Полные надежд, показались на ней голубые пятна. Кирьянов оступился и, теряя равновесие, по инерции сбежал по ступеням вниз к лужам. У него закружилась голова, все спуталось, но откуда-то вдруг появились силы, даже бодрость. Мутные мысли, измученное сердце подстегнули Кирьянова уйти с больничного двора.

Алексею Кирьянову на вид было около сорока лет. Но за прошедшие дни, когда почти не спал, не ел, он стремительно состарился. Вместо своего отражения в зеркале невидящим взглядом улавливал лишь голубоватое пятно. Щетина лезла, густела, отрастали волосы — пора бы пойти в парикмахерскую. Теперь не до того.

По жизни Кирьянов обычно не суетился, не переживал по мелочам, не ругался. Чаще смотрел на окружающих светлым взглядом. Приговаривал, когда вдруг сталкивался с неприятностями вроде выговора и урезания очередных премиальных: «Ну, подумаешь, комары... Это же всё мелочи жизни!» И как ни в чем не бывало в отделе бытовой техники «два через два» с увлечением рассказывал про достоинства очередного холодильника, «гарантийном сроке», ремонте и «сервисе». И даже вернувшись домой после работы, Кирьянов оставался доброжелателен и открыт, будто не было тяжелого дня, — как «солнечный» человек или же просто алкоголик. Но нет, Кирьянов не пил, даже по выходным и в минуты большого горя — разве что иногда по праздникам — и то чуть-чуть.

А все потому, что дома его ждала дочка! Встречала с работы, помогала готовить ужин и много рассказывала о том, что случилось в школе за день. А в дни выходных Кирьянов сам провожал дочку в школу и забирал после уроков. По дороге домой Аня всегда держалась за сильный надежный папин палец, прячась в тени от его фигуры, как под зонтом. Тогда ей казалось, что они вместе навсегда и папа куда не исчезнет. Этого просто не может произойти! Возвращаясь из школы, они заходили в

магазин, и Кирьянов покупал ей шоколадку к вечернему чаю перед телевизором.

Аня росла — и вот уже четвёртый класс, а Кирьянов вдруг стал замечать, что всё меньше и меньше интересного может ей рассказать. Что-то ещё рано, а другое — поздно, ведь дочка считает себя взрослой. Но, скорее всего, Кирьянов сам маловато знает о звёздах и кометах, об Африке, Гарри Поттере и феях «Винкс». Ну, про электронику, экономику (по опыту продажи бытовой техники) еще куда ни шло!

Они идут. Аня держится за папин палец, рассказывает, как она сегодня отвечала у доски, как вместе с подружками боролась против мальчиков, а Веселов по секрету сказал ей, что ему нравится Катя и он обязательно на ней женится. Вот только ему надо «вырасти сначала и стать бизнесменом». Когда новости закончились, да и парк, через который они всегда проходили, тоже, хрустевшая дорожка сменилась тротуаром. Впереди показались высоченные дома. Аня вдруг дернула отца за руку, выскочила перед ним и звонко предложила:

— Пап, а давай не «Алёнку»? Давай купим мороженое! А?

— А горло у тебя не болит?

— Нет-нет-нет!

— Да давай тогда, чего...

— Какое-нибудь шоколадное, а может, ванильное... Но не такое, как вчера! И ещё чего-нибудь... Ну чтобы кашу завтра было вкусно есть!

— Чтобы кашу было вкусно есть... — задумался и улыбнулся Кирьянов. Возле глаз ступились морщинки. И он вспоминал клубничный торт на семилетие Ани. А еще суетливые локти мамы, как она радовалась, обижалась и ругалась — всё сразу, словно сама стала ребёнком.

Зашемит в груди, подёрнется лёгкой пеленой дорога. Тротуар, кусты, вот детскую коляску катит парочка... Но Аня уже тянет папу дальше, вместе шагают, размахивая сцепленными руками.

И вот они дома: туда-сюда, уроки-гулять-ужин... Кирьянов в фартучке! Ко сну дело идёт.

— Анята-а...

— Да, пап! — отозвалась она из комнаты. Она сидела на кровати, болтая ногами: уже посмотрела «Спокойной ночи, малыши», где фиксика объясняли устройство компьютера, и теперь

ждала, когда папа будет читать вслух «Сказку о царе Салтане». — Почитай мне!

Кириянов пришёл из кухни с чашкой:

— Ты зубы почистила?

— Почистила! — торопливо ответила Анюта и схватила с письменного стола толстую книгу. — Ну всё, пора уже читать!

— Хорошо... — засмеялся Кириянов, довольный послушанием и горящими глазами Ани, сел к ней на кровать. — Давай-ка сюда сказки...

Она отдала книгу и залезла под одеяло, устала в потолок: приготовилась слушать, фантазировать и задавать всяческие вопросы. Например: «Как появился Кот Ученый?», «Почему Ученый?», «Кто посадил Кота на цепь?», «А почему она золотая?..» И это только по одной прочитанной строфе... Кириянов всего этого не знал, соображать им приходилось вместе. Когда от бесконечных вопросов чтение зашло в тупик, а Анюта, впечатленная историей Лебеда и Князя, наоборот, разошлась, уставший Кириянов закрыл книжку, твердо сказав, что уже ночь и Анюте пора спать...

Дочка подскочила в кровати и с новой силой завершала:

— Ну ещё чуть-чуть, совсем чуть-чуть! Ну хоть капельку, чтобы понять, что с ним будет, когда он вернется комаром!..

— Вот завтра и узнаем!

Кириянов вошёл в ванную, открыл зеркальный шкафчик, посмотрел на щётки и заметил, что дочкин стаканчик и оранжевая зубная щётка сухие. Нахмурился... «Почистила!» — прозвенело у него в ушах и мелькнул её озорной, как искры, взгляд. А как она прыгала в кровати от нетерпения... Что-то ёкнуло в груди, и вдруг... Кириянов расстроился: «Обманула ведь...» И вроде такая ерунда! Ну, щётка, просто щётка... Но как? С такой радостью, с честностью! Задумавшись, Кириянов несколько раз закрыл и открыл шкафчик, собираясь вроде бы чистить зубы, но потом всё-таки страхнул с себя навязчивую мысль: «Ну, мелочь жизни... Глупости! Скажу ей завтра, чтобы чистила зубы, — надо их беречь». Вроде бы смешная, но обида так и засела в его душе.

* * *

Кириянов устремился к «Детскому миру». Магази́нная пестрота светилась и манила, как зарево на горизонте. Кириянов видел его, чувствовал всей душой, каждым органом и, оставившись, проворачивал мысли — спешные, но точные: куда надо идти, как выбирать и — главное — что именно ему надо. Это не просто выбор игрушки: она должна быть такой, какая именно сейчас нужна Анюте — сию минуту. Медлить нельзя, ошибиться нельзя, эта игрушка покупается только один раз!.. Кириянов так и замер у входа: надо перевести дух. Поймать мысль, чтобы не ошибиться. Все вокруг кружилось, торопило, не давало возможности хоть на секунду сконцентрироваться. Кириянов оглядывал бесшумную, оглушающую пестроту как бы со стороны — будто он за чертой, отделяющей его от этого изобилия. Ему казалось, всё вокруг ревет, привлекая внимание покупателей, рвет на части, а запах пластика и краски душит.

Наконец Кириянов переступил порог магазина. Он увидел пробегающего ребёнка, размахивающего страшным красным роботом-биониклом с огромным мечом. Мальчик вопил: «Я убью тебя! Я убью тебя!» — и наводил робота на другого ребёнка, который гудел и изображал полёт какого-то зелёного шара. Тут же ворвался увещающий голос женщины, ведущей за руку крепыша, жующего чокопай: «Ну зачем тебе вторая такая же машинка? Ну зачем тебе?..»

Кириянов шёл мимо прилавков, рядом с ним по макету ехал паровоз — пыхтел, пускал дым, светился жёлтыми узкими глазами, тянул длинный зелёный хвост, мелькал между домов и деревьев, заехал на длинный из ферм мост, а потом резко свернул и исчез в зловещем чёрном туннеле. Тупыми дулами сурово пялились с другого края приземистые танки, с воем пикировали с потолка бомбардировщики, в прозрачных упаковках лежали трупам солдатика, а в розовых домиках, в кабриолетах, на яхтах в компании парней или без красовались полуголые Барби в мини-юбках и белье. Рядом — синие, зелёные, красные, жёлтые феи с драконами. Кириянов, едва выхватив это всё взглядом, пробегал мимо, подгоняемый безумным страхом, злостью, болью и любовью. Потому что не

то! А то, что нужно, где оно? Где? Его взгляду нужно было уцепиться, и чтобы выстрелило сразу — «вот оно!». Только и всего.

Несущийся по волнам большой белый парусник с раздутыми парусами и натянутыми как струны снастями... Вдруг глазами Кирьянов врезался в чёрный горбатый, ощерившийся дулами орудий, дымящий броненосец. Рассматривая прилавки в этом дыму, Кирьянов, потерянный, уставший, с замиранием сердца напрягал зрение. Кусая губу, он оборачивался, разглядывал игрушки, обходил их кругом. Заметил часы: уже вечер. Но не слышал уже ничего, кроме нарастающего тонкого стука молоточка в ушах: тук-тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук-тук.

Большая коробка. Кукла была в жёлтом платье и с пышным бантом. Кирьянов осторожно подошёл к ней. Кукла улыбалась большими добрыми глазами. Ресницы густые, волосы завиты, она может говорить «мама», «папа» и ещё... Её можно обучить чему-то! К кукле прилагалось еще и голубое платье со шляпкой — на переодевание... Кирьянову показалось, что она шевельнула кончиками губ, а глаза, эти карие яркие глаза, мигнули застенчивым огоньком, но... Он тут же осёкся, быстро перевел взгляд на зелёный трактор с комбайном: «...Корова рядом вроде не мычит. Что же это?» Кирьянов понял, что дальше он не пойдёт. Комок тревоги внутри обжигал, елозил, колол, а его тянуло именно к той коробке. Он закрыл глаза, не успев толком даже обдумать покупку, как руки сами схватили её и понесли к кассе. Кирьянов ничего не видел вокруг себя — только куклу через пластиковое окошко в коробке, которая уставилась ему прямо в глаза, кончик её носа дернулся, а губы словно нашёптывали: «Ш-ш-шкаре-е-е, ш-ш-шка-ре-е!..»

Коробка перед продавщицей. Она придвинула её, резким голосом что-то сказала, прилинула штрих-код, посмотрела на Кирьянова. А перед ним стояли лишь оживающие голубые глаза, розовеющие щёки, острый бледный подбородок Анюты, лежащей под белой простыней.

Продавщица, поправив выбившуюся красную прядь, вызывающе повторила:

— Тысяча триста пятьдесят рублей. Оплата по карте?

Кирьянова передёрнуло, как от укуса. Он полез в карман, раскрыл кошелек, дрожащей рукой

стал вставлять карту в отверстие терминала. Уперлась во что-то... Мимо... Вот наконец вошла. Кирьянов стал тыкать пальцами в пружинящие кнопки. Экран молчит, молчит...

Продавщица что ни глянет, то резанёт. Губы изогнулись брезгливо:

— Не читает!

Сообразив, в чем дело, Кирьянов тут же выдернул карту и вставил другой стороной, бормоча под нос извинения. Пискнула в кармане эсэмэс. На экране терминала высветилось весёлое: «Успешно!»

* * *

В больничной палате Кирьянов сидел на стульчике — на самом краю, только чтобы не упасть. У ног его лежал объемный пакет. Свет лился ровно. Стояла давящая тишина — наверно, как атмосфера на Венере, подумалось отчего-то ему. И вдруг Кирьянова стало колотить от одной только мысли, что вот сейчас, вдруг все-таки... Должно обязательно случиться хоть что-нибудь... Чудо, закономерность, просветление... А если не случится, то зачем всё? Ничего страшного не бывает, а если и случается, то где-то в стороне, далеко-далеко, за бруствером, за горизонтом, за экватором. Но не здесь, не сейчас, не с ним!

Анюте-то за что? Она ни в чём не виновата. Просто жила с ним, потом даже без мамы. Жили обычно, как все. Он тоже — как все. Кирьянов мял пальцы до белизны. Потом вдруг достал из пакета флакон со светлым лаком для ногтей. Открыл его, подсел поближе к ножкам Анюты, откинул угол одеяла. Он боялся прикоснуться к дочке. И всё же рука медленно потянулась к ней. Палец задрожал у самой стопы, вот ощутил детскую кожу, задержал взгляд на синих венках. Кирьянов коснулся дочери — слабой, еле дышащей. А где-то внутри, в глубине, бьётся её сердце — до него не докричишься, не дойдёшь, не разглядишь. Кирьянов отчетливо почувствовал, что она не здесь. Ножка тут! Вот перед ним. Но сама она, его Анюта, вроде и не тут. Кирьянов погладил дочкину ступню. Кисточка от лака, подрагивая, коснулась ногтя девочки. Лак распространился по его поверхности. Кирьянову даже показалось, что ноготок слабо улыбнулся. Обмакнул кисточку ещё раз, потянулся к следу-

ющему ногтю... Вот всё готово. А Анюта лежит. На экране лениво тянется-тянется, подпрыгнет и снова тянется голубая нить...

* * *

Зашелестел ветер. Кирьянов открыл зонтик. Небесная серость, клубясь, дышала как живая и опускалась всё ниже и ниже... А озеро, выпучив на неё глаз, морщилось и измученно трепало сторбленные береговые кусты.

— На настоящие качели! Успеем до большого дождя! — Анюта побежала вперёд, к большому старому дереву, причудливо изогнувшему ветку аж до девяноста градусов, на которой и закрепили качели. — Ты меня будешь качать!

Кирьянов поспешил вслед за ней. Небо застенчиво всхлипывало. Плавающие утки, почуяв беду, вытянули шеи и, выстроившись в стайку, молчаливо устремились в ближайшие заросли.

А Анютин голубой капюшон, развеваясь парусом, уже замелькал впереди на качелях. Она оттолкнулась от земли, откинулась назад, сразу подалась вперёд и снова вытянула ножки, лицо ее обдало воздухом. Вах-ух-вах-ух, ву-ху-у-у-у!.. Кирьянов подбежал сзади, щёлкнул закрывающимся зонтом и, поймав на взлёте Аню, с силой подтолкнул её вперёд. Анюта с визгом пролетела, болтая ногами:

— А-а-а, папа, боюсь-боюсь!.. — зависла на секунду — и обратно. — Ещё, ещё хочу!..

Дождик шумливо подкрадывался. Дерево сердилось. Озеро хмурилось. Утки исчезли. Мокрые волосы развевались. Анюта заливалась смехом:

— Всё хватит, хватит! Нет, сильнее, чуть-чуть!.. А-а-а, много, много!..

— Я уже устал тебя качать, Аня! — Кирьянов отступил назад.

Над потемневшими кронами мелькнул быстрый белый силуэт.

— Э-эй, па-а! — обиделась Аня, улетающая за листву. Она, наверное, насупила губки и лоб. — Ещё чуть-чуть!

Тот белый силуэт подлетел к озеру, сделал круг. Изогнутые крылья, крючковатый нос, чёрные точки, тело стрелой — чайка зависла в потоке воздуха. Она дрожала, взмахнёт-взмахнёт, зависнет, повернётся, сделает ещё круг. А ветер крепчает, небо теперь навзрыд разорвалось ливнем. Чайка

билась, как нерв, и вдруг поворот, ещё поворот... Круг, ещё круг в накрывающей её пелене.

Кирьянов собрался открыть зонтик:

— Аня, пойдём домой, а то простудимся, будем пить лекарства.

— Я тебя лечить буду! — обрадовалась она и соскочила с качели. Белая чайка пропала. Анюта поскользнулась на мокрой траве, взмахнула руками, пальцами коснулась троса:

— А-а-ах! — и ударилась головой о деревяшку качели.

Кирьянов выронил зонтик, сделал шаг к Ане, качели летели прямо на него, а с озера донесся надсадный леденящий душу женский крик:

— Ка-а-а-н-н-а-а!..

— Аня!..

И наступила тишина.

* * *

— Аня, я купил тебе куклу. Смотри, какая красивая... — Кирьянов открыл коробку и вытащил яркую игрушку — девочку с завитыми золотыми волосами. — Помнишь, ты когда-то хотела себе такую? Вот...

Кирьянов осторожно посадил её рядом с Аней — так, чтобы она могла её обнять.

— Мы бы поиграли... Если бы ты позвала меня... «Пап, а пап? Пойдем поиграем...» В это, то... А что? Я «за», я, конечно, всегда... Теперь «за»... Анюта, Анюта, Анюта...

Кирьянов провалился в туман: в голове замелькала комната. Вечер. Аня с головой укуталась в одеяло, только её личико хитро улыбается. Делает вид, что спит. А только Кирьянов закроет дверь в комнату, она сразу кинется к планшету досматривать мультяшного героя. Или недовольное лицо, отброшенная ручка, тетради — и вот она несется в ванную с криком: «Достала меня эта математика! Тоже мне «неуд»! «Не решила задание номер двенадцать». Да решила я, решила! Она не увидела просто...»

Кирьянов тогда брал тетрадь, смотрел пометки красной пастой, перечеркнутые примеры, собирался с духом и, подходя тихонько к двери, негромко звал Анюту посмотреть ошибки: «Ещё раз, ну, Ань? Вместе...»

Вспомнился Туапсе, старый советский санаторий, хилые пальмы, медузы, которые миглом

бледнели и разбегались от всплесков воды и визгов Ани. Качающийся катамаран, солнцепёк, дочка в надувных оранжевых нарукавниках проверяла, водятся ли в Чёрном море акулы, а если да, то «вот насколько они больше машины?». В итоге нашла преобладающую розовую медузу и пряталась от неё за бортом катамарана.

Кирьянов легонько улыбнулся от воспоминаний, погладил Аню по руке:

— На Новый год эту куклу посадили бы под ёлку к Деду Морозу, к Снегурочке и гномику... Там и ждали бы... Деда Мороза, настоящего... Всю ночь ждали бы. Чуда... А что, оно же бывает, наверное, чудо? Ань? «Есть, — ты бы сказала, — бывает». Ты только подумай, — Кирьянов запнулся, представил её заправленную кровать, сжал руку Ани. — Вот как без тебя Новый год, а?..

* * *

Полутьма. Равномерный писк. Синяя линия бежит, бежит, догоняет, перегоняет зелёную, вспыхивает, гаснет, снова вспыхивает, снова гаснет и медленно-медленно зажигается, ярче, ярче, ещё ярче и...

*We wish you a Merry Christmas;
We wish you a Merry Christmas;
We wish you a Merry Christmas
And a Happy New Year.⁷*

Та-та-та-ам, та-та-та-ам, та-та-та-ам...

В отражении шара появилась Анюта с тарелкой печенья и кружкой молока, села на табуретку у ёлки, поправила розовую куклу возле гномика и не терпящим возражения тоном объявила:

— Ты как хочешь, пап, а я спать больше не лягу — буду ждать Деда Мороза всю ночь...

* * *

Равномерный писк. Кирьянов дёрнулся от чего-то прикосновения. Мигом открыл глаза. В них ещё переливались огоньки, на часах вот-вот двенадцать, в груди щемило от счастливых глаз Анюты, а в носу оставался аромат ёлки. Это был запах спирта, нет, нашатыря. Белая простыня. Ровный свет.

— Алексей Владимирович, просыпайтесь...

— Что-что? — Кирьянов увидел рядом медсестру. Она придерживала его за плечо.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Да, нормально, всё нормально... — в глазах у него плыло. Помутнела комната.

— Давайте я вас провожу, вам надо прилечь, вы очень устали...

Поднялся на ватные ноги. Медсестра повела Кирьянова за собой, и он вдруг оказался в длинном пустом коридоре. За спиной закрылась дверь. Выросла фигура седого врача с добрыми глазами. Он легонько передёрнул плечами, вздохнул, отвёл взгляд. Кирьянов замер — пристально смотрел на него, сердце билось и ждало, надеялось. Это была та самая минута! Кирьянов вдруг ощутил в себе силы, выпрямился, крепко встал на ноги, а медсестра, на которую он опирался, отпустила его. Кирьянов смотрел доктору прямо в глаза, через его очки, словно хотел сжечь одним взглядом. Видел закрытую дверь... Кирьянов верил. Да, именно в эту минуту он верил так, как никогда, — верил во всё: в Бога, в магию, в Деда Мороза, в чудо, во Второе пришествие, в Апокалипсис, в жизнь на других планетах, во временной континуум и специальную теорию относительности. Во всё и сразу! Только бы врач сказал сейчас... Кукла осталась там, у Анюты... ..Сказал сейчас...

Кирьянов пламенно молился. Всей душой. Как каждый день все эти две недели он приходил в церковь и молился. Вставал на колени. В душе все горело костром — до края Вселенной, не иначе. Слезы катились из глаз. Он ничего не видел, кроме огней — множества огней. Все тело дрожало, нервы, оглушая, звенели, готовые порваться, горло, иссыхая, хрипело, голова раскалывалась от боли. Но Кирьянов всей душой молился. А потом иссякали силы. Он спешил в больницу хоть с облегчением, но ни секунды не надеясь. Вот так: каждый день в церкви Кирьянов верил, а выйдя из нее, терял надежду. Он истово верил перед иконами и даже во сне. Ему виделась Анюта, живая и здоровая, он слышал, как дочка говорит с ним.

¹ Отрывок из рождественского гимна «We wish you a Merry Christmas», написанного в XVI веке в Юго-Западной Англии.

Его исполняли христославы в Сочельник. После пения им дарили рождественские подарки.

Давление. Туман. Врач сдержанно улыбнулся, взял его за обе руки и сказал:

— Она уже проснулась. Будет жить. Уже пришла в себя. Вы слышите? Всё хорошо, Анна будет жить. Дышите, А-а-алексей Владим-ыч, дышите. Держитесь! Господи, что с вами? Держите же его, держите! Что вы стоите-то?! Скорее положите его сюда! Жив? Пульс. Дыхание. Да. Жив, жив. Сейчас придет в себя. Воды принесите, ещё вот... А то и его реанимировать придется на свою голову. Ох, Господи Боже мой... Боже мой! Пусть дышит, последите за ним, Лизавета Александровна... — Врач опустился рядом с ним на скамейку, густо выдохнул, сдёрнул очки и стал нервно полировать их платком. — О-о-ой... Устал я, Лизавета Александровна, так устал, что... Такая тяжелая ночь была. Пора и отсыпаться, а может, напиться... По печени ка-ак... — он усмехнулся. — Столько сил, а я ведь уж... Но, представляете, она, Анюта-то, уже пришла в себя! Всё-таки, знаете, чудеса бывают. Бывают! Иногда, правда, но бывают, Лизавета Александровна!

Новый год был в самом разгаре. Разгар — это когда стол полностью накрыт, уже даже что-то съедено: приходили как минимум соседи, как максимум — родственники с другого конца Санкт-Петербурга, выпито несколько бутылок шампанского и несколько часов уже вопит кто-то в телевизоре, а что вопит — никому уже не разобрать. Понимают разве что самые продвинутые во вполне себе благом деле — праздновании.

Анюта весело и торопливо одевалась, чтобы идти гулять:

— На ёлку, папа, на горке, скорее давай, скорее!..

— Успе-ем, Анют, успе-ем — ещё вся ночь впереди...

— Ещё надо успеть сторожить Деда Мороза!

— Беспалезно, Анют, па-аверь моему жизненному опыту... — потом вдруг осёкся и махнул рукой. — Нет! Права, Анюта, дорогая-любимая, права, как никогда!

— Пап! Ну ты опять! Ну, пап!

— Всё хорошо, Анюта, всё хорошо... Мы идём. Катаемся. Везде п-быва-м. Анюта, я уже оде... надеваю куртку... — Кирьянов ткнул в выключатель, всё погасло. Он вышел в коридор.

Анюта терпеливо стояла у входной двери, уже укутанная, со строгим лицом и пачкой бенгальских огней в руках:

— Па-ап!

— Да.

Вдруг заверещал звонок. Анюта вздрогнула. Кирьянов встрепенулся. Они вопросительно посмотрели друг на друга.

— Опять гости? — Анюта нахмурила брови.

— Да нет, не должны...

Девочка повернула замок, открыла дверь. Кирьянов выронил куртку. Анюта радостно завизжала и кинулась в объятия:

— Ма-ма вернулась!..

□

Артур ЖУРАВЛЁВ

родился в 1996 году в Ухте.

*Учится в Российском государственном институте
сценических искусств (СПбГАТИ).*

Пишет рассказы, повести.

*Публиковался в сборниках, журналах, альманахах,
в числе которых «Белый бор», «Переключка»,
«Цветные строчки», «Кольцо А» и др.*

*Победитель международного литературного конкурса
«Мост дружбы - 2017».*

Лауреат конкурса «Северная звезда - 2017» в номинации «Проза».

Живет в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

